

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.7>

UDC 94(47)047, 94(47)05
LBC 63.3(2)45, 63.3(2)51

Submitted: 31.08.2021
Accepted: 28.03.2022

FORMATION OF BIG PEASANT CLANS IN THE RUSSIAN NORTH BASED ON THE STATE DESCRIPTIONS OF THE VAZHSKY DISTRICT FROM 17th TO THE EARLY 18th CENTURY¹

Varvara G. Vovina-Lebedeva

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* State descriptions of the northern peasant volosts of Russia demonstrate the features and techniques of business writing, typical for the Russian Middle Ages and early modern times. *Methods and materials.* The article analyzes scribal and census books for several villages of the volost Kurgomen of the Podvinskaya quarter of the Vazhsky district beyond the middle 17th – first half 18th centuries. On the basis of a microanalysis of peasant genealogies, several family clans of peasants living in neighboring villages were identified, the family surnames of the peasants were investigated. *Analysis.* The development or extinction of peasant clans, and some features of intra-family relations and the dynamics of population displacement at the village / volost level have been traced. The given data confirm the well-known fact that during the censuses, some of the peasants were hiding from the description. The period of Peter I caused heavy damage to the northern villages. The analyzed material shows that only large family clans were able to preserve themselves and their importance in the parish. *Results.* The results obtained in the article relate not only to the process of folding the branched peasant clans, which played a significant role in the volost and parish, defending, first of all, their own interests, but also the problems of the reliability of state descriptions.

Key words: Kurgomen, Russian North, palace volost, census books, sotsky headman, peasants Churakovs, pogost, peasant clans.

Citation. Vovina-Lebedeva V.G. Formation of Big Peasant Clans in the Russian North Based on the State Descriptions of the Vazhsky District from 17th to the Early 18th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 96-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.7>

УДК 94(47)047, 94(47)05
ББК 63.3(2)45, 63.3(2)51

Дата поступления статьи: 31.08.2021
Дата принятия статьи: 28.03.2022

СКЛАДЫВАНИЕ КРУПНЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ РОДОВ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОПИСАНИЙ ВАЖСКОГО УЕЗДА XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА¹

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Государственные описания северных крестьянских волостей демонстрируют особенности и приемы деловой письменности, характерные для русского Средневековья и Раннего Нового времени. В статье проанализированы писцовые и переписные книги по нескольким деревням волости Кургомень Подвинской четверти Важского уезда за период с середины XVII – 1-й половины XVIII века. На основе микроанализа крестьянских родословных было выявлено несколько семейных групп крестьян (предлагаем называть их крестьянскими кланами), обитавших в соседних деревнях, исследованы фамильные прозвища крестьян, прослежены развитие или угасание крестьянских родов, некоторые особенности внутрисемейных

отношений, а также динамика перемещения населения на уровне деревни / волости. Приведенные данные подтверждают известный факт, что во время переписей часть крестьян скрывалась от описания, и позволяют предложить объяснения. Петровское время нанесло тяжелый урон северной деревне. Проанализированный материал показывает, что только крупные семейные кланы смогли сохранить себя и свое значение в волости. Полученные в статье результаты касаются процесса складывания разветвленных крестьянских родов, которые играли значимую роль не только в волости, но и приходе, отстаивая в первую очередь свои собственные интересы. В статье разбираются также вопросы достоверности данных использованных государственных описаний.

Ключевые слова: Кургомень, Русский Север, дворцовая волость, переписные книги, сотский староста, крестьяне Чураковы, погост, крестьянские роды.

Цитирование. Вовина-Лебедева В. Г. Складывание крупных крестьянских родов на Русском Севере по материалам государственных описаний Важского уезда XVII – первой половины XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 5. – С. 96–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.7>

Введение. Известны выдающиеся работы по истории крестьян Русского Севера, написанные на основе обобщения большого документального материала в масштабах одного или нескольких уездов [1; 11; 12; 15]. Но на уровне отдельных деревень и живших там крестьянских семей можно увидеть явления, теряющиеся на макроуровне. Ниже изложены результаты сравнительного анализа государственных описаний нескольких дворцовых деревень Среднего Подвинья на протяжении ста лет. Это продолжение работы, уже начатой в отношении д. Калининской [6]. Были привлечены материалы по соседним деревням Кургоменской волости: д. Мырцовской, Ефремовской, а также д. Гавриловской. Цель работы – проследить динамику изменения состава населения данных деревень, выделить крупные крестьянские кланы с момента их зарождения и проследить этапы их формирования. После сравнительного изучения данных сохранившихся переписей появилась возможность выстроить крестьянские родословные за сто лет, проследить изменение численности и состава населения деревень, перемещения крестьян на жительство в пределах деревни / волости, определить родственные и семейные связи между ними, взвесить соотношение в деревнях старожилов и новоприходцев, определить время появления и распространения в данной местности крестьянских фамильных прозвищ.

Методы и материалы. Государственные описания северных крестьянских волостей демонстрируют особенности и приемы деловой письменности, характерные для русского Средневековья и Раннего Нового времени. Они

нуждаются в критическом подходе, в частности, необходимо проверять, насколько полно было описание, и не имело ли место сокрытие крестьян во время переписей. Это можно сделать путем сопоставления данных по одним и тем же деревням за длительный период времени. Источниками исследования стали сохранившиеся государственные описания Кургоменской волости за 1665 г. [13], 1678 г. [14], 1709 г. [6, с. 192–202], 1710 г. [6, с. 202–216], 1717 г. (ландратская перепись) [6, с. 216–241] и 1745 г. (2-я ревизия) [8]. Высказывалось мнение, что в тех случаях, когда сохранились как материалы государственных описаний, так и актовый материал по определенной местности, можно реконструировать некоторые истории крестьянских семей [15]. Иногда это можно сделать даже при отсутствии актового материала, если сохранилось несколько государственных описаний по одному месту, и временной промежуток между ними не превышает нескольких десятилетий. Пока не обнаружены материалы 1-й ревизии по Кургомени 1718 г., но их заменяют данные ландратского описания 1717 года. Важным условием является наличие у анализируемых крестьянских кланов устойчивого фамильного прозвища. В исследовании использованы некоторые приемы микроисторического анализа. На основе изучения событий в деревнях Русского Севера достигается лучшее понимание больших процессов, происходивших в России на протяжении ста лет.

Анализ. Важский уезд можно считать регионом, вписанным в историю Поморья [2]. В последние десятилетия большой вклад в его изучение внес Ю.С. Васильев [3]. Однако Подвинская четверть оказалась не в фокусе пре-

дыдущих исследований. Кургоменская (Кургоминская) волость, расположенная по берегу Северной Двины между ее притоками реками Ундыш и Нондрус [5, с. 119], представляется средней по размеру, типичной волостью Среднего Подвинья. Ранние источники (XVI – 1-я половина XVII в.) по Кургомени не сохранились, но имеются материалы государственных описаний, следующих одно за другим с середины XVII до середины XVIII века.

В результате предварительной работы был получен материал, говорящий о наличии в Кургомени в исследуемое время нескольких крупных крестьянских кланов: Чураковых, Чулковых, позднее Валовых, Овчиных, Каториных, Бурмагиных и других. В данной статье остановимся на нескольких из них: Чураковых, Бурмагиных и Валовых. Главным крестьянским кланом Кургомени, с середины XVII в. имевшим родовое прозвище, были Чураковы (Чюраковы), более всего связанные с д. Калининской [7]. Е.Н. Швейковская обнаружила, что прозвище Чураков в 1606 г. имелось у крестьянина д. Долгий Прислон Учецкой волости соседнего с Важским Сольвычегодского уезда [15, с. 104]. Однако никаких связей с Чураковыми Важского уезда обнаружить пока не удалось.

В 1665 г. в д. Калининской имелось 5 крестьянских дворов и 3 бобыльских. Два двора занимали братья Чураковы, дети некоего Василия, к тому времени уже умершего: Тимошка и Никитка Васильевы Чураковы. Остальные 3 дворовладельца – крестьяне Федка Якимов с сыном, Елфанко Агафонов с сыном, вдова Маринка Митрофанова. Подробнее о составе д. Калининской смотри в отдельном исследовании на эту тему [7]. В деревне пахал наездом Ивашка Чураков из д. Мырцовской. Также в соседней д. Ефремовской жил Пронка Васильев Чураков. Об Ивашке Васильеве сообщалось, что ранее он жил на дворе брата, уже умершего Терешки Васильева. Итак, мы узнаем, что всего было пятеро братьев Чураковых: Тимошка, Никитка, Ивашка, Терешка и Пронка (Прошка). Итак, с самого начала Чураковы были связаны с несколькими близко расположенными деревнями волости.

За стандартными формулировками описаний иногда можно увидеть проблеск живой жизни и свидетельства отношений между кре-

стьянами, например, между Ивашкой и Терешкой Чураковыми, жившими в д. Мырцовской. Когда пришла пора идти в солдаты Ивашке (еще при жизни старшего брата Терешки), брат выставил вместо него «наемщика» (описание 1665 г. содержит данные о крестьянах, взятых на солдатскую службу [4]). Через год племяннику Ивашки, сыну уже умершего Терешки по имени Андрюшка, пришел черед идти в службу, и теперь уже дядя Ивашка выставил вместо него «наемщика». Руководствовался ли он, выкупая племянника, чувством благодарности покойному брату или экономической целесообразностью, не ясно. Но удержать Андрюшку на своем дворе Ивашке все же не удалось. Андрюшка в 1658 г. «сшел в Сибирь», и о нем более ничего не известно. Однако на дворе Ивашки Васильева оставался жить другой его племянник Коземко [13, л. 403 об.]. Другого населения в д. Мырцовской не было, хотя там пахали наездом Тимошка и Никитка Чураковы.

Через 12 лет в 1678 г. в д. Калининской было уже 8 крестьянских дворов и 1 бобыльский. Федка Якимов умер, сын его Васька «сбрел безвестно», а во дворе его жил (по закладной) Оска Максимов с сыновьями. Также в деревне жили Федка Аввакумов и Аввакумко Юрьев (пришедшие из д. Никитинской). Чураковых стало больше: кроме Тимошки и Никитки Васильевых с сыновьями сюда перешли жить Ульянко и Коземка Терентьевы, а также их дядя Ивашка Васильев с сыновьями. Очевидно, что Ульянко – брат Коземки, но где он был в 1665 г. и почему не учтен в описании этого года, неизвестно, поскольку при составлении переписной книги 1678 г. не ставилась цель обнаружить крестьян, укрывшихся ранее от переписи. Получается, что в д. Калининскую в конце 1670-х гг. стянулся весь крестьянский клан Чураковых (Чураковы из д. Ефремовской тогда уже покинули волость). Произошла консолидация рода. Остальные новоприходцы также были до того жителями Кургомени: чужаков не появилось, произошла лишь перегруппировка крестьян внутри волости.

Что касается д. Мырцовской, то уход из нее Чураковых привел к запустению и медленному ее умиранию. В 1677 г. там зафиксирован лишь 1 пустой двор и жеребий, и про-

должали традиционно пахать наездом крестьяне Чураковы из д. Калининской: Тимошка Васильев, Никитка Васильев, Ивашко Васильев и Коземка с Ульянком Терентьевы. Позднее, в 1709 г., там же пахал наездом Михайло Тимофеев Чураков (сын Тимошки Васильева). В 1710 и 1717 гг. д. Мырцовская значилась бездворной, а во время 2-й ревизии 1745 г., видимо, уже не существовала.

Во время переписи в 1709 г. в д. Калининской из прежних обитателей был обнаружен Иван Осипов, сын Оски Максимова, его брат Борис (по данным 1717 г. ранее живший в д. Никитинской) и сын Федор. Из новых обозначен был Артемий Иевлев 32 лет, с сыном Яковом. Он перешел сюда на житье из Заостровской вол., из д. Укорой, но чужаком не был, так как женился на дочери старого калининского крестьянина Федора Аввакумова. Из Чураковых все семейные линии этой деревни в 1709 г. были на месте: дворовладельцами записаны: Алексей Ульянов 26 годов, его брат Игнатий Козьмин 20-ти, владевшие двором «по наследию»; Михайло Никитин 27 годов; Михайло Тимофеев 43-х с сыном Тимофеем 10 годов; Матвей Никитин 45 годов с сыном; Козьма Гаврилов 23 годов (сын Гаврилки Иванова, внук Ивашки Васильева) и его сын 3 годов. Это все были дети и внуки братьев Терешки, Ивашки, Тимошки и Никитки Васильевых Чураковых, к тому времени уже умерших. Обратим внимание на одну из линий Чураковых из д. Мырцовской: в д. Калининской теперь был записан «двор пуст Козьмы Терентьева, запустел в 704-м году», хозяин ушел, неведомо куда, «от хлебной скудости». Это обстоятельство кажется немного странным, учитывая многочисленную родню Козьмы Терентьева, включая его племянника и сына, которые могли оказать ему поддержку. Его брат Ульян Терентьев, видимо, к тому времени умер. Когда Козьма Терентьев ушел из деревни, его надел и двор перешли к племяннику Алексею, хотя у Коземки был сын 14 лет. Мы опять видим в этом ответвлении рода Чураковых особенно тесные, покровительственные отношения между дядей и племянником, в данном случае между Козьмой Терентьевым и Алексеем Ульяновым.

В 1710 г. в деревне Калининской были записаны те же крестьяне, что и в 1709 г., за

единственным исключением, весьма любопытным. Одним из дворовладельцев оказался вовсе не отмеченный в 1709 г. Никита Тимофеев Чураков «штидесят годов, увечен, крив правым боком, у него жена Анна Гаврилова дочь пятидесяти пяти годов, у них сын Михайло тритцати четырех годов, у него жена Маремьяна Иванова дочь тритцати трех годов, у него дочь Матрона году» [6, с. 204]². Что касается записанного в 1709 г. Михайлы Никитина 27 лет, то в 1710 г. мы находим его уже 34 лет во дворе отца, упомянутого Никиты Тимофеева. К вопросу о том, почему Никита Тимофеев не был описан в 1709 г., а во дворе был записан только его сын, мы еще вернемся.

Обратимся к самому важному событию в жизни семейного клана Чураковых: Дмитрий Тимофеев Чураков был избран сотским старостой Кургоменской волости. В качестве сотского мы встречаем его упоминание в переписных книгах 1709, 1710 гг., а также в ряде других документов этого времени. Это единственный из Чураковых той эпохи, о деятельности которого можно сказать нечто, кроме того, что есть в материалах государственных описаний. Мы, разумеется, не можем определить, почему его избрали начальником над другими крестьянами: но он должен был быть уважаемым и в чем-то заслуженным человеком, обладал солидным возрастом и, видимо, достатком. Есть косвенные данные для предположения, что уже его отец Тимофей Васильев выделялся крепостью хозяйства среди братьев. Так, по данным книги 1665 г., Тимошка Васильев, обрабатывая свой тяглый жеребей в д. Калининской, пахал наездом еще в двух деревнях: Мырцовской и Никитинской, тогда как его братья – только в одной из них. Дмитрий Чураков не был единственным сыном Тимофея Васильева: на момент описаний 1709–1710 гг. были живы его старший брат Никита и младший Михаил, оба в д. Калининской.

Дмитрий Чураков решил перебраться от своей родни в опустевшую к тому времени д. Ефремовскую. Она запустела на протяжении второй половины XVII – начала XVIII века. Согласно описанию 1665 г. там было еще 5 дворов, то есть ее можно, как и д. Калининскую, считать в это время многодворной по меркам Кургоменской волости, где

во многих деревнях было по 1–2 двора. Во дворах жили: Пятко Васильев Орехов, Ивашка Иванов, Ивашка Васильев Зыков, Филка Аникеев и Пронка Васильев Чураков с сыновьями Панфилкой и Гаврилкой и подворником Елеской Григорьевым. Обратим внимание, что все крестьяне, кроме Пронки Чуракова, записаны одиночками, лишь у него была семья и дети. Это обстоятельство не могло не повлиять на будущее деревни. В 1678 г. там значилось 4 двора и 5 человек. Из новых обитателей появился Никон Зеновьев с сыновьями (в 1717 г. все они значились ушедшими в Сибирь), однако, нам не ясно, откуда и когда он появился в д. Ефремовской, как неизвестно, откуда явились Аврамко Миронов и Афонка Исаков. Из старых обитателей в 1678 г. значился только Филка Аникеев. Куда делись Пятко Васильев, Ивашка Иванов и Ивашка Зыков – неизвестно. Упомянут также пустой двор и тяглый жеребей «Петрошки Васильева» (очевидно, искаженное от «Прошки Васильева» (Чуракова), ошибка, перекочевавшая и в описание 1717 г.), ушедшего из деревни «от скудости» в 1676 г., «а жена ево и дети умре». Наездом в деревне пахал крестьянин д. Прокопьевской Лука Афанасьев. Итак, население д. Ефремовской на протяжении 12 лет изменилось, в отличие от д. Калининской, состав которой оставался устойчивым на протяжении многих десятилетий.

В 1709–1710 гг. в д. Ефремовской из 4 дворов убыло 3. Именно в этот момент там, в единственном жилом дворе, оказался записан ранее живший с отцом и братьями в д. Калининской Дмитрий Тимофеев Чураков 50 лет, а также его сын Василий 20 лет с пометой «увечен, глазами слеп». В деревне был записан пустой двор Петра Герасимова, неизвестного нам по предыдущим описаниям, погорелый двор Аврама Миронова, упомянутого в 1678 г. (сбрел от скудости «в ыные уезды» в 1706), пустой надел Луки Афанасьева (вероятно, сына известного по прежним описаниям Афонки Аникеева), двор умершей Стефаниды Аникеевой. По данным 1717 г. Филипп Аникеев, упомянутый в 1665 и 1678 г., ушел из деревни «от хлебной скудости», но неизвестно когда. Афанасий, Филипп и Стефанида Аникеевы, очевидно, были братьями и сестрой, но этот род в деревне прервался.

По данным 1717 г. Дмитрий Чураков с семьей жил во дворе Никона Зеновьева, известного по переписи 1678 г., приобретенном «по купчей». Кроме него в д. Ефремовской в 1717 г. жил бездетный Григорий Киприянов Конанов с женой и матерью. Он жил в старом дворе вдовы Степаниды Аникеевой, пустовавшем с 1709 г. и приобретенном также «по купчей». Правда, остается вопрос, у кого Григорий Киприянов Конанов мог купить этот двор, если вдова умерла, а ее сын «сшел для работы к Соли Камской»? Вместе с Григорием Конановым во дворе жили два бобыля, один из которых имел 2 сыновей. Итак, сотский Дмитрий Чураков купил пустой двор, вселился в д. Ефремовскую, через несколько лет там оказался еще один дворовладелец.

Однако интереснее всего то, как в 1717 г. был представлен состав семьи Дмитрия Тимофеева Чуракова: в его дворе вместе с ним был записан уже не увечный сын Василий (как в 1709 и 1710 г.), а сын Алексей 30 лет, имевший жену и сына Петра 4 лет. С ними во дворе жила также невестка, рекрутская жена «увечного» Василия по имени Федора Леонтьева и ее дочка. Василий был взят в рекруты в 1711 году. Кажется непонятным, во-первых, где был его брат Алексей в 1709 и 1710 гг. и почему не был включен в описание, и, во-вторых: почему в рекруты пошел младший по возрасту, женатый и «увечный» («слепой») Василий? Очевидно, старший сын, которому в 1717 г. оказалось 30 лет, следовательно, в 1709 г. должно было быть 23 года, просто был укрыт от переписи. Видимо, Дмитрий Тимофеев, будучи волостным старостой, спрятал от описания старшего здорового сына, второго же сына выставил больным (или же специально предъявил больного сына).

Вернемся теперь к отмеченной выше странности в описании д. Калининской в 1709 году. То, что Дмитрий Чураков стал сотским, главным лицом в волости, объясняет, как нам кажется, пропуск в 1709 г. его брата Никиты Тимофеева в д. Калининской. Никита Тимофеев не мог быть пропущен по ошибке, так как в описание был внесен его сын Михайло Никитин. Остается предположить, что по какой-то причине Никита Тимофеев или отсутствовал в деревне в 1709 г., или же был спрятан от переписи, а его брат Дмитрий Тимофе-

ев как начальник волости покрыл это, и, одновременно, в д. Ефремовской укрыл от описания своего старшего сына Алексея. В 1710 г., когда была объявлена новая перепись, по новым правилам, с более детальным указанием состава семьи, в том числе с указанием женщин, пришлось выставить к переписи Никиту Тимофеева в д. Калининской. Но Алексей Дмитриев в д. Ефремовской не был переписан и тогда. Это произошло лишь в 1717 г. во время ландратского описания, самой тщательной и подробной из всех переписей петровского времени. Дмитрий Тимофеев, видимо, уже не был в это время сотским старостой.

Как сотский Дмитрий Чураков упоминается в 1710 г. в «Книге збору денежных доходов в Важеском уезде с волостей с живущих дворов и с земель обежного числа» [10]. Он собирал и платил различные денежные подати с Кургоминской волости: «Военного приказа», «Адмиралтейского приказа на карабельное строение», «рекрутотом на жалованье», «Ямского приказа на наем подвод», «Дворцовой канцелярии на покупку конских кормов», «Ижерской канцелярии за ямскую гоньбу» (причем часть из них зачтена смолою, «которая поставлена в отпуск за море королевскому величеству Дацкому»); «с рыбных ловель оброк», «в банную канцелярию з бань». В копии книги записи рыбных ловель крестьян Важского уезда 1705 г. [9] сотским записан еще Иван Афанасьев. В 1677 г. такой крестьянин в Кургоменской волости не значился, можно лишь предположить (на основании отчества), что Иван Афанасьев был сыном Афонки Аникеева из д. Ефремовской. К 1709 г. сотским избрали Дмитрия Тимофеева Чуракова. Предположительно, Дмитрий Чураков отселился от остальной родни из д. Калининской в д. Ефремовскую после того, как стал сотским старостой. Но случайно ли он переселился именно туда? Напомним, что в 1665 г. в этой деревне жил его родной дядя Прошка Васильев Чураков. Дмитрий Тимофеев тогда еще не родился, но его брату Никитке было 9 лет. В момент ухода Прошки Васильева из д. Ефремовской Дмитрию Тимофееву должно было быть более 10 лет³, то есть он должен был хорошо помнить родственные связи своей семьи с этой деревней, в детстве, как мож-

но думать, ходил туда вместе с отцом, мог считать ее частью родственного владения.

Вернемся к истории с пропуском в 1709 г. Никиты Тимофеева Чуракова в д. Калининской. В 1717 г. он был обозначен как вдовец 65 лет (в 1665 г. записан 9 лет), имеющий сына Михайлу 46 лет (в 1709 г. тому было 27 лет), у которого были жена и сын. У них жил бо-быль Никита Гаврилов 50 лет с женой и дочерью. В этом же дворе (а не отдельно, как следовало по данным 1709 г.), оказывается, жил и младший брат Никиты Тимофеева Михаил с семьей. Таким образом, перед нами предстает крепкий и многонаселенный крестьянский двор, видимо, существовавший не один год.

Это подтверждается опросом населения, проводившимся в 1717 году. Прежним владельцем двора назван уже знакомый нам Козьма Терентьев, приходившийся Никите Тимофееву двоюродным братом. Если в 1709 г. о Козьме Терентьеве было записано, что он «сбрел безвестно» в 1704 г., а двор перешел его двоюродному племяннику Алексею Ульянову, то в 1717 г. выяснилось, что двор купил Никита Тимофеев. Следовательно, он приобрел его, скорее всего, у Алексея Ульянова, своего двоюродного брата, в период между описанием 1709 и 1710 годов. Во время описания 1709 г. сделка или уже произошла или готовилась. Мы сталкиваемся с фактом купли-продажи двора внутри родственного клана. Неизвестно, где жил Никита Тимофеев до 1709 года. Как старший сын он жил во дворе отца, и так записан в писцовой книге 1678 года. Но в 1717 г. в ходе опросов было выяснено, что Никита и Дмитрий Тимофеевы Чураковы после переписи 1678 г. из отцовского двора вышли и поселились один в д. Калининской, другой – в д. Ефремовской, но когда это произошло, не указано. То, что Никита Тимофеев был укрыт от описания, произошло, как можно предположить, не случайно. За несколько лет до того, в 1704 г., когда Дмитрий Тимофеев еще не был сотским, его и Никиты Тимофеева двоюродный брат Козьма Терентьев ушел из д. Калининской. Нечто, связанное с этим, в 1709 г., по-видимому, и было скрыто не без участия сотского. По данным 1709 г. Козьма Терентьев «сбрел безвестно», но в ландратской книге 1717 г. сказано, что он

«сшел в Сибирь», как за много лет до того сделал его родной брат Андриюшка. Можно высказать предположение, что эти два ухода как-то связаны: Терешка мог поддерживать связи с ушедшим в Сибирь братом и переселиться туда вслед за ним. Следовательно, в 1709 г. сотский Дмитрий Чураков фактически покрыл также уход своего двоюродного брата в Сибирь, что повлекло за собой необходимость вообще не упоминать о покупке в этот момент двора ушедшего крестьянина. Поэтому и покупатель (Никита Тимофеев) оказался вообще не записанным в книгу, а двор Терешки был обозначен как перешедший к Алексею Ульянову по родству. Таким образом, реальная картина оказалось существенным образом искажена, как и картина семейной жизни самого сотского старосты.

Обстоятельства покупки собственного двора в д. Ефремовской Дмитрий Тимофеев в 1709 и 1710 гг. также не раскрыл. И это не случайно. Опрос в 1717 г. показал: «А прежние в том дворе были и в переписных книгах написаны жителями, а имянно 186-го года Никон Зеновьев, у него два сына: Иван да Михайло. И после той переписки Никон и с детми сошли в Сибирь все в давних летех. После их в тот двор от него по купчей поселился и владеет и в 710-м году написан, и ныне живет тое ж волости деревни Калининской крестьянин помянутой Дмитрей Тимофеев...» [6, с. 226]. Похоже на то, что Дмитрий Тимофеев, будучи в 1709 и 1710 гг. сотским старостой, скрыл также уход (неизвестно, когда точно имевший место, но после описания 1677/8 г.) в Сибирь Никона Зеновьева с сыновьями, как и то, что сам купил (непонятно, у кого: если у Никона, то должен был сделать это в момент ухода последнего) его двор в д. Ефремовской. Все это выяснилось в 1717 г., когда Дмитрий Тимофеев уже не был сотским старостой.

Итак, мы видим, что данные государственных описаний даже без привлечения актового материала дают возможность лучше понять некоторые стороны жизни крестьянских семей. Их сведения подтверждают известный факт, что во время переписей часть крестьян укрывалась от описания. Эти упущения были зафиксированы (но не во всех случаях!) в ходе составления ландратской книги 1717 года. Кроме того, давно предпо-

лагалось, что уход крестьян в Сибирь происходил на глазах мира и с его согласия. История с сотским Дмитрием Чураковым и его родней показывает, как именно это могло происходить и какую роль тут играло волостное начальство.

Возвращаясь к д. Калининской, отметим, что оказалось возможным проследить судьбу почти всех ее жителей с 1717 до 1745 года. Убыль населения в 1709–1710 гг. по сравнению с 1678 г. составила 15 душ мужского пола, все бобыльское население деревни исчезло, и только одна из старых семей, давно живших в этой деревне, не принадлежала к клану Чураковых. В петровское время население продолжали составлять наследники и потомки крестьян Чураковых, владевших дворами еще в момент предыдущих описаний. Остальные старые линии прервались, кроме линии Ивана Осипова. Таким образом, на протяжении более 60 лет в д. Калининской не появилось новых жителей, кроме крестьян, известных еще с середины XVII в., или их родственников.

В период между ландратской переписью 1717 г. и второй ревизией 1745 г. население д. Калининской существенно увеличилось. Потомство всех 4 братьев Васильевых Чураковых, известных с середины XVII в. (кроме Прошки Васильева), распространилось по разным деревням волости и продолжало населять более половины д. Калининской. Однако там появились и новые фамильные прозвища. Чураковы занимали 8 дворов, остальные жители – 7 дворов. Налицо был наплыв крестьян из других волостей Подвинской четверти: Осерецкой боярщины, Конецгорской волости, Ростовской волости (в ревизских записях присутствует указание на то, откуда пришел каждый новый крестьянин). У пришельцев, которые появились в деревне в промежутке между 1-й (1718 г.) и 2-й (1745 г.) ревизиями, находим новые фамильные прозвища: Слинкины, Заколупины, Загваздины, Козицыны, Рашовы. Федор Иванов Спицын и Никифор Гаврилов Халилев отмечены как записанные в 1-ю перепись 1718 г., то есть относились к старым обитателям [8]. При ближайшем рассмотрении оказывается, что Федор Иванов Спицын – это сын Ивана Осипова, бывший в описаниях 1709–1710 гг. 9 лет от роду, в 1717 г. – 14 лет, а в 1745 г. записан-

ный 57 лет. Таким образом, старый крестьянский род, издавна живущий в д. Калининской, к середине XVIII в. был записан с прозвищем Овцыны. Что касается Никифора Халилева, в 1717 г. во дворе Никиты Тимофеева Чуракова жил бобыль Никифор Гаврилов 50 лет. Вероятно, это и есть Никифор Гаврилов Халилев 79 лет, как сказано в переписи 1745 года. Таким образом, почти все крестьяне д. Калининской (как старые, так и новые обитатели) к середине XVIII в. получили фамильные прозвища.

К 1745 г. д. Ефремовская также разрослась – в ней была переписана 21 мужская душа. Основную роль играло потомство Дмитрия Чуракова: список жителей возглавлял Алексей Дмитриев сын Чураков 59 лет, его дети Петр 26-ти (в 1717 г. – 4 года) и более молодые Яков и Евмений. Следом в описании учтен Харитон Иванов сын Чураков 24 лет, сын, как помечено, умершего Ивана Гаврилова Чуракова (не упомянутого в 1717 г.), а также его братья Ануфрий Иванов 21 года и Иван 2 лет. Вероятно, что отцом упомянутых трех братьев был Иван Гаврилов, отмеченный в 1717 г. как перешедший из д. Калининской в д. Никитинскую, сын Гаврилы Иванова, внук Ивана Васильева Чуракова. Также в д. Ефремовской жил Сергей Иванов сын Чураков 42 лет и его сыновья Петр 21, Никифор 20-ти, Василей 17-ти, Дорофей 8-ми. Если возраст их отца указан верно, он должен был быть учтен во время переписи 1717 года. Однако обращение к переписным книгам 1709, 1710 и 1717 гг. не дает нам такого крестьянина. Единственный крестьянин под именем Сергей в 1717 г. – один из сыновей Домникии Кириловой из д. Самсоновской, вдовы Осипа Филипова. Другое отчество (Иванов, а не Осипов) можно объяснить, если допустить, что Сергей был сыном не Осипа, а предыдущего мужа Домникии из клана Чураковых. Правда, в 1717 г. по результатам распросов крестьян было записано, что сыновья Домникии «сошли в Сибирь», но это могло быть ошибкой или сознательным искажением, по именам же сыновья Домникии в этом месте не названы.

В петровское время Чураковы, как мы видели, были уже не единственными крестьянами, представляющими большой клан и

имевшими фамильные прозвища в Кургомени. Продолжая обследование населения д. Ефремовской, мы обнаруживаем зарождение еще одного рода, сформировавшегося позже Чураковых. Он был представлен родственниками и потомками крестьян, обитавших в 1717 г. во дворе Григория Киприанова Конанова. Отмеченный в 1745 г. как записанный «в прежнюю перепись Сергеем» (то есть в 1718 г.) Семен Игнатъев сын Бурмагин 74 лет, это, несомненно, отмеченный во время ландратского описания 1717 г. 50-летний бобыль Семен Игнатъев. Тогда он был обозначен без прозвища, но оно было записано в 1745 г. – Бурмагин. Это первый из Бурмагиных – в дальнейшем известной в Кургоминской волости фамилии, дожившей до настоящего времени. Алексей Киприанов сын Конанов 66 лет (видимо, брат бобыля Григория Киприанова Конанова) был записан в 1717 г. с примечанием, что после 1710 г. поселился «по купчей» в один из пустых дворов. А записанный в 1745 г. «отданного в рекруты Кондратъя Семенова сына» сын Петр 12 лет также был связан со старыми обитателями этого двора. Вероятно, Кондратий Семенов – это записанный в 1717 г. Конаном Семеновым 3-летний сын бобыля Семена Игнатъева, жившего тогда на дворе Григория Киприанова Конанова. Обратим внимание на то, что у 12-летнего Петра не было в 1745 г. проставлено, в отличие от его деда, жившего в той же деревне, фамильного прозвища Бурмагин. Возможно, прозвище тогда было еще неустойчивым. Петр, после того как отца взяли в рекруты, видимо, жил на дворе с матерью, во всяком случае, дед был записан отдельно от них, и определить их родство между собой стало возможным лишь при сравнительном исследовании материалов 1745 г. и ландратского описания 1717 года. В отношении Семена Игнатъева в 1745 г. перед нами рисуется та же картина, что и в случае со Спицыным и Халилевым в д. Калининской: крестьяне, не имевшие фамильных прозвищ (или не указавшие их) в XVII – начале XVIII в., теперь их получили.

Итак, значительная часть крестьян д. Ефремовской в 1745 г. были потомками прежних ее обитателей, в основном Чураковых. В случае с Бурмагиным старый род обрел фамильное прозвище. В промежутке между

1718 и 1745 гг. в д. Ефремовскую вселились крестьяне с новыми фамильными прозвищами и своей историей, как и в д. Калининскую. Но в отличие от последней, крестьяне пришли в д. Ефремовскую не извне волости, а из других деревень Кургомени, и составляли небольшую часть жителей: занимали всего 2 двора. Поселившийся из д. Что была новинка Бетова Иван Михайлов сын Зыков 36-ти лет, а также его младший брат Иван были обозначены как дети «Михея Еремеева». Поскольку в 1717 г. такой крестьянин в описаниях не обнаруживается, остается предположить, что он поселился в д. Новинки между 1717 (ландратская перепись) и 1718 г. (1-я ревизия). С фамильным прозвищем записан в 1745 г. и переселившийся из д. Гавриловской Иван Афанасьев сын Валов 36 лет с сыновьями Осипом 12-ти, Никифором 4-х и годовалым Филиппом. Видимо, Иван был сыном Афанасия Артемьева, жившего в петровское время в д. Гавриловской.

Чтобы проследить зарождение Валовых, рода, обитавшего впоследствии во многих деревнях Кургоминской волости, обратимся к материалу описаний д. Гавриловской. В 1665 г. в д. Гавриловской дворами владели: Демидко Тимофеев с сыновьями, одинокий Ивашко Семенов, его брат Оферко, вдова Антонина Андреева дочь с сыном. В деревне пустовал тяглый жеребей Терешки Карпова, перешедший по купчей Ивашке Семенову. Наездом пахали землю Карпушка Никитин и Федка Иванов из д. Артемовской. В 1677 г. в д. Гавриловской сохранялись 4 двора, в которых жило 8 лиц мужского пола. Артемий Карпов с сыном Афанасием – сын Карпушки Никитина из д. Артемовской, брат хозяина пустого в 1665 г. двора Терешки Карпова. Видимо, родня вселилась в его двор, перебравшись из д. Артемовской, крестьяне которой давно пахали в д. Гавриловской наездом. Двором владели также Лучка Карпов, вероятно, еще один брат Артемия Карпова. В д. Артемовской остался Исак Карпов, взятый в солдаты. Именно тогда Герасим Ермолин из д. Гавриловской перешел на жительство в д. Артемовскую, в бывший двор Исачки Карпова.

Перед нами предстает устойчивый клан крестьян из д. Гавриловской и соседней с ней д. Артемовской, соединенных родственными

связями. В петровское время в д. Гавриловскую собрался весь род Карповых, детей и внуков Карпушки Никитина из д. Артемовской: Афанасий Артемьев 40 лет и его брат хромой Иван 20 лет и даже Исак Карпов, вернувшийся со службы и впоследствии «съехавший в Сибирь», очевидно, вслед за сыновьями. Его брат Лука Карпов покинул двор и жил с семьей у племянника Афанасия Артемьева «за хлебною и всякою скудостью». Другие же линии крестьян в этой деревне прервались. В 1745 г. у всех восьми крестьян д. Гавриловской появилось новое фамильное прозвище Валовы. Так, в 1745 г. упомянут Иван Артемьев сын Валов 67 лет, Никита Афанасьев сын Валов 30 лет, несомненно, сын Афанасия Артемьева, Федор Лукин сын Валов 69 лет и его сыновья. Кроме них в деревне жили «умершего Якова Валова дети». Мы знаем, что у Исачки Карпова было два сына по имени Яков, которые позднее ушли в Сибирь. Вероятно, кто-то из них был тем Яковом Валовым, который нас интересует. Тогда следует предположить, что он вернулся в Кургомень после 1717 года.

Результаты. Нами обследованы четыре деревни Кургоминской волости, прослежены судьбы их жителей на протяжении 80 лет. Оказалось возможным, за несколькими исключениями, проследить генеалогию всех крестьянских семей, установить родственные связи между крестьянами, внутри деревни, и их родство с жителями соседних деревень. Сплошное сравнительное исследование сохранившихся описаний позволило сделать вывод о высокой степени репрезентативности использованных материалов по Кургомени. В литературе уже в начале XX в. возникло критическое отношение к достоверности материалов государственных переписей, в частности, описания 1710 г., хотя оно стало меняться в 1970-х годах [6, с. 167–180]. Наше исследование показало, что данные по Кургомени 1665, 1678, 1709, 1710, 1717 и 1745 гг., за отмеченными исключениями, не противоречат друг другу, отражают реальную численность населения и состав крестьянских дворов.

Тем не менее мы обнаружили случаи, видимо, сознательного укрывательства сотским старостой Дмитрием Чураковым своего сына от переписи в 1709 и 1710 гг. и брата

в 1709 г., которые были выявлены при сравнении с переписью 1717 года. В 1709 г. Дмитрий Чураков предположительно покрыл также уход в Сибирь своего двоюродного брата и еще одного из соседей, поскольку такие действия не могли происходить в тайне от мира и волостного начальства.

В каждой из обследованных деревень были выявлены одна или несколько крепких родственных групп, члены которых поддерживали друг друга на протяжении длительного времени, стремились сойтись на жительство в одну деревню, брали к себе на двор престарелых или обнищавших родственников, помогали скрыть в некоторых случаях от описания нуждавшихся членов рода. В некоторых случаях материал позволяет судить о предполагаемой мотивации переселения крестьян из одной деревни в другую. Петровская эпоха нанесла по северным крестьянам жестокий удар. Смогли оправиться от него и выжить в основном именно сильные родственные группы, тогда как одиночные семьи, как можно судить по нашему материалу, начала XVIII в. не пережили.

Можно выявить определенные этапы в развитии изучаемых кланов. В исследованных случаях в начале их представители были сосредоточены по соседним деревням (в случае Чураковых – д. Калининская, Мырцовская, Ефремовская, в случае Бурмагиных – Ефремовская, в случае Валовых – Ефремовская, Гавриловская и Артемовская). Если позже (несмотря на уход крестьян в Сибирь, взятие их на государственных работы или смертность) род выживал, происходила его консолидация и схождение родственников на какой-то промежуток времени для жительства в одну или две близлежащие деревни. При этом те места, которые члены сильного клана покидали, часто приходили в упадок и исчезали. Жизнь поблизости друг от друга, видимо, помогала родственникам выжить и приводила к увеличению их численности. После этого наступал новый этап, когда сильный крестьянский род начинал более широко расселяться в пределах волости, его представители появлялись сразу во многих деревнях. В истории родов Чураковых, Бурмагиных и Валовых этот момент зафиксирован переписью 1745 г., а также описаниями более позднего времени, вплоть до начала XX века.

Сплошное исследование состава тех поселений Кургомени, которые не исчезли за рассматриваемый период, показывает, как правило, довольно высокую стабильность состава северной деревни. Выжившее и оставшееся на месте (не обнищавшее и не ушедшее в Сибирь) население на протяжении нескольких десятилетий состояло преимущественно из потомков лиц, известных еще с середины XVII в. (или их родственников). Единственным исключением был момент между первой и второй ревизиями, когда в некоторых деревнях волости вдруг появились пришлые из других волостей крестьяне, но это должно стать темой отдельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации в форме субсидий, проект № 075-15-2020-786 «История письма Европейской цивилизации».

The research was carried out with the financial support of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the form of subsidies as part of Project No. 075-15-2020-786 “History of Writing in European Civilization”.

² Описание 1710 г. было первым, когда учитывались женщины, как и в ходе описания 1717 года. Но они вновь не были учтены во время 2-й ревизии 1745 года.

³ Нужно постоянно учитывать неточность приводимых крестьянами данных о своем возрасте. Так, Дмитрий не упомянут среди сыновей Тимофея Васильева в 1665 г., следовательно, родился позже, но через 12 лет в 1677 г. обозначен уже 15 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная история северо-запада России XVII века. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. – 231 с.
2. Богословский, М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. / М. М. Богословский. – М. : Издание Имп. о-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1909–1912. – Т. 1. – 321 с.
3. Васильев, Ю. С. Материалы писцового делопроизводства по Важскому уезду XVI – первой половины XVII века : каталог / Ю. С. Васильев // Важский край: источниковедение, история,

культура: материалы и исследования. Вып. 3. – Вельск : Вельский краеведческий музей, 2006. – С. 135–156.

4. Вовина-Лебедева, В. Г. «Жена его вышла замуж...»: к вопросу о судьбах солдатских жен в XVII веке / В. Г. Вовина-Лебедева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 1. – С. 44–58. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.4>

5. Вовина-Лебедева, В. Г. «Съехали в Сибирь...»: Кургомнская волость в петровское время / В. Г. Вовина-Лебедева // Азиатская Россия: люди и структуры империи. – Омск : Полиграфический центр КАН, 2016. – С. 119–125.

6. Вовина-Лебедева, В. Г. Дворцовая волость Русского Севера в 1700-х годах / В. Г. Вовина-Лебедева // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв. : сб. ст. к 100-летию со дня рождения Игоря Павловича Шаскольского. Тр. СПбИИ РАН. Вып. 4 (20). – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 166–247.

7. Вовина-Лебедева, В. Г. Деревня Калининская Кургомнской волости в XVII–XVIII вв. / В. Г. Вовина-Лебедева // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 4. – С. 75–94.

8. Именная ведомость жителей волостей Подвинской четверти. Т. 1. 1745 // Государственный архив Архангельской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 3529. – Л. 241–271.

9. Книга записи рыбных ловель Важского уезда // Архив СПбИИ РАН. – Ф. 115. – Д. 313. – Л. 105–106 об.

10. Книга сбора денежных доходов в Важском уезде с волостей с живущих дворов и с земель бежного числа. 1710 // Архив СПбИИ РАН. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 34. – Л. 56–61.

11. Колесников, П. А. Северная Русь : Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. / П. А. Колесников. – Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т. Сев. отд-ние Археогр. комиссии АН СССР, 1971. – 208 с.

12. Копанев, А. И. Крестьянство Русского Севера в XVII в. / А. И. Копанев. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. – 228 с.

13. Копия переписной тягально-солдатской книги Важского уезда 1665 г. // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 115. – Д. 309. – Л. 402–411.

14. Копия переписной книги Подвинской четверти Важского уезда 1677/1678 г. письма Б.В. Яковлева и А. Карпова // Архив СПбИИ РАН. – Кол. 115. – Д. 306. – Л. 144–160.

15. Швейковская, Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире : Северная деревня конца XVI – начала XVIII века / Е. Н. Швейковская. – М. : Индрик, 2012. – 368 с.

1. *Agrarnaya istoriya severo-zapada Rossii XVII veka* [Agrarian History of the North-West of Russia in the 17th Century]. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-nie Publ., 1989. 231 p.

2. Bogoslovskij M.M. *Zemskoe samoupravlenie na Russkom Severe v XVII v.* [Zemstva in the Russian North in the 17th Century]. Moscow, Izdanie Imp. o-va istorii i drevnostej rossijskikh pri Mosk. un-te, 1909–1912, vol. 1. 321 p.

3. Vasilyev Yu.S. *Materialy piscovogo deloproizvodstva po Vazhskomu uezdu XVI – pervoj poloviny XVII veka: katalog* [The Materials of the Cadastres Records in Vazhskiy Uyezd of the 16th – First Half of the 17th Century. Catalog]. *Vazhskij kraj: istochnikovedenie, istoriya, kultura: materialy i issledovaniya* [Vazhsky Region: Source Study, History, Culture: Materials and Research], iss. 3. Velsk, Velskij kraevedcheskij muzej, 2006, pp. 135–156.

4. Vovina-Lebedeva V.G. «Zhena ego vyshla zamuzh...»: k voprosu o sudbah soldatskih zhen v XVII veke [“His Wife has Married”: To the Problem of the Fate of Soldiers’ Wives in the 17th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 1, pp. 44–58. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.1.4>

5. Vovina-Lebedeva V.G. «Syekhali v Sibir...»: Kurgomenskaya volost v petrovskoe vremya [Moved to Siberia: Kurgomenskaya Volost in the Peter’s the Great Time]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Russia: People and Empire]. Омск, Poligraficheskij centr KAN, 2016, pp. 119–125.

6. Vovina-Lebedeva V.G. *Dvortsovaya volost Russkogo Severa v 1700-h godah* [A Palace Volost of the Russian North in the 1700s]. *Novgorodskaya zemlya, Sankt-Peterburg i Shveciya v XVII–XVIII vv.: sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya Igorya Pavlovicha Shaskolskogo. Tr. SPbII RAN* [Novgorod Land, Saint Petersburg and Sweden in the 17th – 18th Centuries. Collection of Articles for the 100th Anniversary of Igor Pavlovich Shaskolsky. Proceedings of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], iss. 4 (20). Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 166–247.

7. Vovina-Lebedeva V. G. *Derevnya Kalininskaya Kurgomenskoj volosti v XVII–XVIII v.* [Kalininskaya Village, Kurgomenskaya Volost in the 17th–18th Centuries]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2020, no. 4, pp. 75–94.

8. *Imennaya vedomost zhitel'ej volostej Podvinskoj chetverti. T. 1. 1745* [The Nominal List of Residents of the Volosts of the Podvinskaja Quarter.

Vol. 1. 1745]. *Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti* [State Archive of the Arkhangelsk Region], f. 1, inv. 1, vol. 3, d. 3529, l. 241-271.

9. Книга записи рыбных ловел Вазхского уезда [Recording Book of Fish Catchers in Vazhsky Uyezd]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 115, d. 313, l. 105-106 r.

10. Книга сбору дenezhnyh dohodov v Vazhskom uезде s volostej s zhivushchih dvorov i s zemel obezhnogo chisla. 1710 [The Book of Collection of Revenues in Vazhsky Uyezd from Volosts from Living Yards and from Lands of Obezny Number. 1710]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 10, inv. 3, d. 34, l. 56-61.

11. Kolesnikov P. A. *Severnaya Rus: Arhivnye istochniki po istorii krestyanstva i selskogo hozyajstva XVII v.* [Northern Russia: Archival Sources on the History of the Peasantry and Agriculture of the 17th Cent.]. Vologda, Vologod. gos. ped. in-t. Sev. otd. nie Arheogr. komissii AN SSSR, 1971. 208 p.

12. Kopanev A.I. *Krestyanstvo Russkogo Severa v XVII v.* [The Peasantry of the Russian North in the 17th Cent.]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 228 p.

13. Kопiya perepisnoj tyagolno-soldatskoj knigi Vazhского uезда 1665 g. [The Copy of the Book on Taxes and Soldiers of 1665 in Vazhsky Uyezd]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], kol. 115, d. 309, l. 402-411.

14. Kопiya perepisnoj knigi Podvinskoj chetverti Vazhского uезда 1677/1678 g. pisma B.V. Yakovleva i A. Karpova [The Copy of the Census Book of the Podvinskaja Quarter of the Vazhsky Uyezd of 1677/1678 by B.V. Yakovlev and A. Karpov]. *Arhiv SPbII RAN* [Archive of Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], kol. 115, d. 306, l. 144-160.

15. Shvejkovskaya E.N. *Russkij krestyanin v dome i mire: Severnaya derevnya konca XVI – nachala XVIII veka* [Russian Peasant at Home and in the World: Northern Village of the Late 16th – Early 18th Centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 368 p.

Information About the Author

Varvara G. Vovina-Lebedeva, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>

Информация об авторе

Варвара Гелиевна Вовина-Лебедева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, Varvara_Vovina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1465-4139>